Я БЛАГОДАРЕН КЛИЕНТАМ
СТИВЕН ФОРСИ, GREUBEL FORSEY

__**Greubel Forsey**, Tourbillon 24 Secondes Platine, 2014

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Стивен Форси — один из основателей марки Greubel Forsey, отмечающей в этом году свое десятилетие. Вместе с Робером Гребелем они в 2004-м начали производить удивительные сложные часы, рассчитанные прежде всего на коллекционеров. Гребель и Форси не стараются ни увеличить число выпускаемых ими часов, ни упростить процесс их изготовления. Никаких поблажек себе они не дают: не только механизмы (с их фирменными турбийонами, наклоненными под углом 30° к горизонту, чтобы сохранять точность при любом положении на руке), но и корпуса как будто бы нарочно сделаны так, чтобы производство их было настоящим подвигом. Стеклянная мануфактура, которую они выстроили в швейцарском Ле-Локле, выглядит как оранжерея, где выращивают редкие часовые фрукты. Несколько лет назад их упрямство было отмечено особо: молодая марка получила право выставляться на очень престижном Женевском салоне SIHH.

— Хорошо ли вам работается в вашей наклонной стеклянной избушке? Ведь так выглядит ваша мануфактура.

— Мы-то называем ее “ателье” потому что мы не претендуем на полный мануфактурный цикл. Мы же не производим все детали сами, до последнего винтика. Лучше говорить об ателье, мастерской, студии, составленной из маленьких групп, где есть часовщики, инженеры, художники.

— Как вы решились построить себе собственный дом? Это важный шаг для любой марки.

— Мы купили ферму XVIII века, типичную для этой горной местности. 2000 метров над уровнем моря, не жарко даже летом, но именно на таких одиноких фермах и именно в горах Жюра выросла вся часовая промышленность. Мы считали, что можно обойтись без скучных заводских цехов, и не хотели разрушать ферму, мы хотели вернуть ее к жизни. И архитектор Пьер Студер помог нам. Он видел наше будущее здание как метафору лыжного склона или трамплина — в сочетании со старой фермой рядом.

— Вас не спрашивали про наклон крыши: не в честь ли это наклонного турбийона?

— Спрашивали, и не раз. Все хотели знать, не равен ли уклон крыши 30°, но в тот момент мы вовсе не имели этого в виду. Для нас важно, что там много стекла, а значит, воздуха и света. Вся работа по поиску концепции, проектированию, производству прототипов в этом нашем аквариуме как на ладони. И здесь есть на что посмотреть: наши вещи делаются медленно, руками. В конце концов, история часового искусства начала писаться тогда, когда у мастеров было невероятно много времени для работы.

— Для молодой марки важно знать, чем она отличается от других.

— Пусть это замечают другие. Мы работаем так, как считаем правильным для себя. Но наше ателье, а тем более наши вещи уже не «как у всех», мы два часовщика, и мы партнеры, а не конкуренты — это тоже редкость. Мы оба ценим хорошо сделанную работу и хотим гордиться нашими часами. Похожи мы во всем этом на других или нет, не мне судить.

— Вы знамениты концептуальным проектированием механизмов, из которого рождается необычность дизайна. У вас просто-таки архитектурные вещи: облик определен функцией.

— Часовое дело очень древнее — в нем не придумаешь много нового. Но надо забыть о концепте, не считать, что за него простят небрежность, надо достичь максимального уровня обработки материалов, совершенства деталей. Я не хочу хвалить нас, это не мои слова, но многие наши клиенты называют наши вещи произведениями искусства.

— Вы ведь британец, а не швейцарец. Что же вас привело в горы Сен-Жюра?

— Я родился в 35 км к северу от Лондона, но в городке, где раньше производили морские хронометры. У меня есть только такое объяснение.

— Есть ли разница между английским и швейцарским часовыми стилями?

— В разных странах — в Италии, Австрии, Германии, Британии, во Франции — были свои часовые школы. В Лондоне существует компания, которая должна заботиться о качестве часов,— The Worshipful Company of Clockmakers. Она создана в 1631-м, это старейшее часовое сообщество, которое имеет девиз Tempus Rerum Imperator — «Время царствует над всем». Все часовщики должны были там числиться, чтобы работать. Английский стиль был особенным, в XIX веке его концептуальный и художественный уровни были очень высоки. Но английских часовщиков разорили две войны и один кварц, а Швейцария смогла с этим справиться.

— И британцы ехали работать в Швейцарию. Энтони Рэнделл, Джордж Дэниелс, вы...

— Да, я приехал в Швейцарию, которая принимала людей с умениями и знаниями. Я интересовался реставрацией, работал со старыми вещами. После кварцевого кризиса здесь очень не хватало часовщиков, они чуть было не исчезли. До сих пор есть эта проблема. Поэтому мы с Филиппом Дюфуром занимаемся воспитанием новых мастеров.

— Сколько часов Greubel Forsey делает в год?

— Около сотни. Немного, но это вещь, требующая десяти месяцев работы. 436 деталей. И я очень признателен нашим клиентам. Когда они инвестируют деньги в часы — я предпочитаю говорить, что они инвестируют, а не тратят, они знают, что тем самым участвуют в важном деле. Наш клиент может быть знаменитым врачом, инвестиционным банкиром, владельцем интернет-компании, но он создает часовое искусство вместе с нами. Это как меценатство: если мы с вами десять лет, то это благодаря тому первому человеку, который поверил в нас и купил наши часы, тем самым придав нам храбрости и дав возможность работать.

Беседовали Екатерина Истомина и Алексей Тарханов